

84(8-4712)6

Ш 16 кр

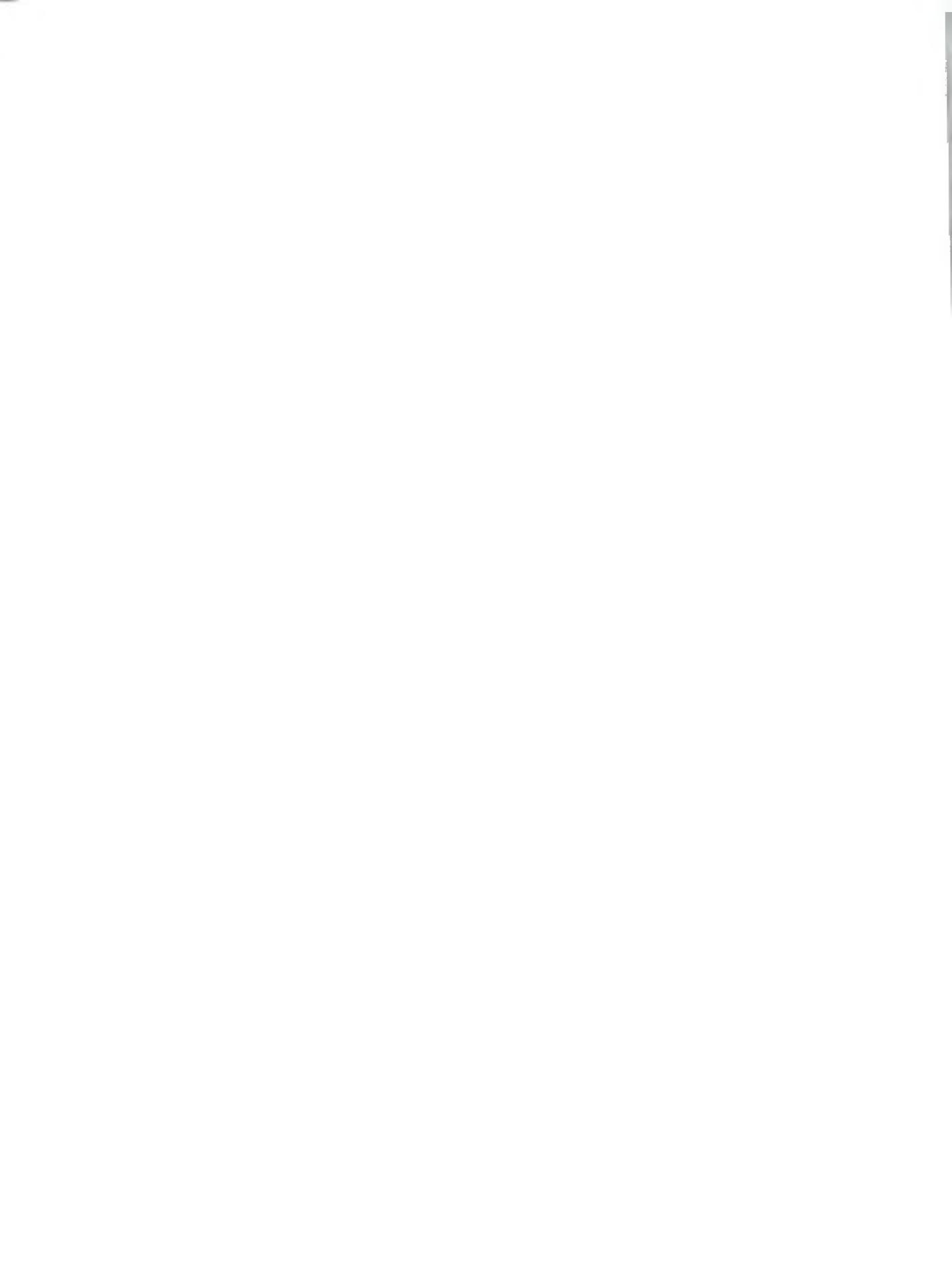
Зоя Шагрина

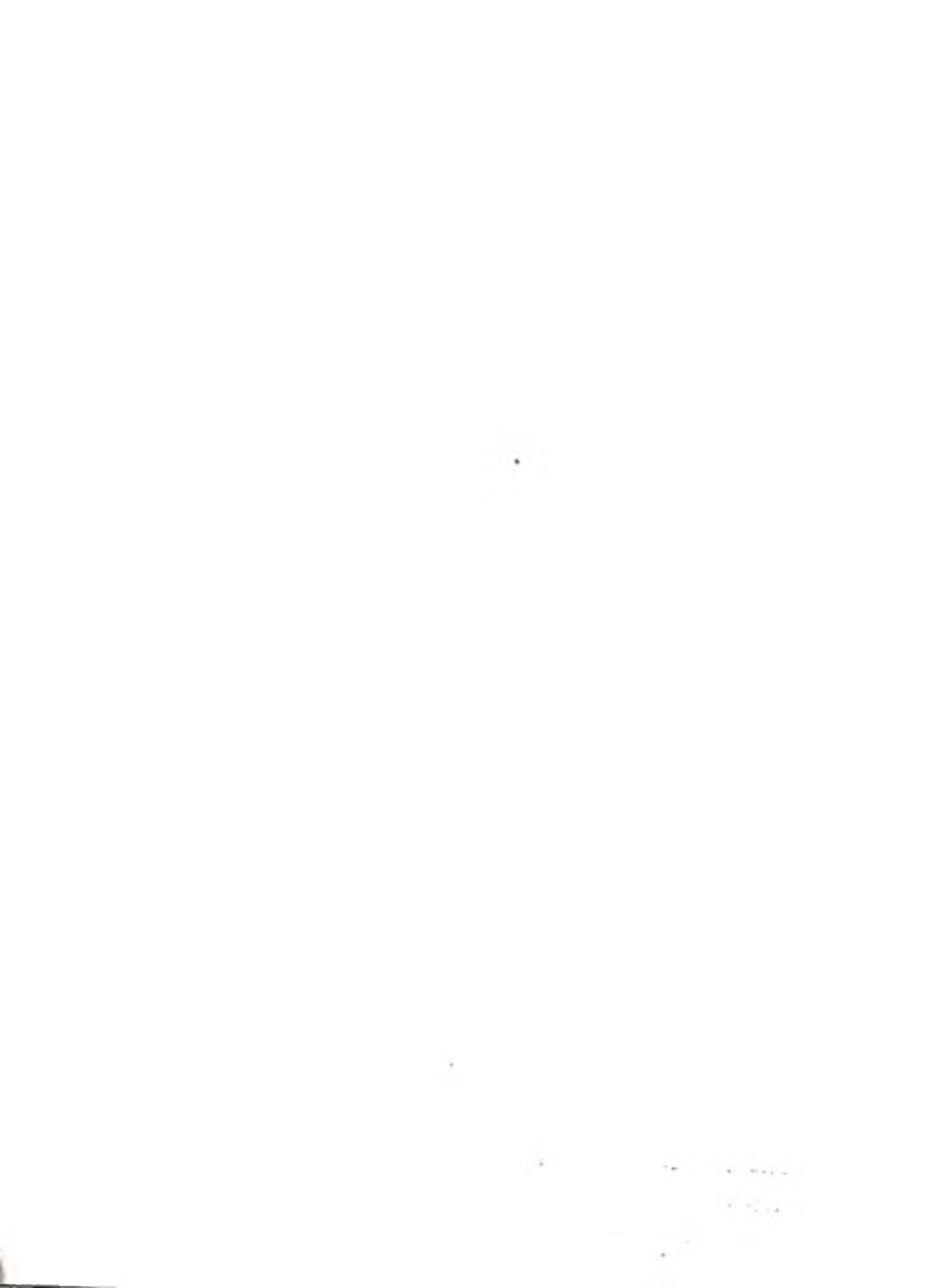
Возвращение

Барбары

84(2=411.2)6

Ш 16

Зоя Шадрина

*Возвращение
Варвары*

-145748-

Лучегорск -- 2014г

Библиотека-музей
г. Находка

ОК ЦБС
г. Находка

*Не радовалась я чуждому горю,
Не приходилось подличать и красть,
Чтоб в мире этом вес иметь и власть,
И с разумом своим давно не спорю,
Но подлость не могу не замечать.*

З.М. Шадрина

Воспитатель
МБОУ "СОШ № 10"

Воспитатель
МБОУ "СОШ № 10"

*Ие Анатольевне Пермяковой,
моей творческой наставнице
посвящаю*

От автора

«Возвращение Варвары» – это четвёртая книга из серии «Варя, Варенька, Варвара».

Начну с предыстории. Я задумывала написать только первую часть трилогии, как память моим детям и внукам об их прародителях. Хотела попросить у отца прощение, которому на кладбище бросила страшные слова: – Лучше б ты, как герой на войне погиб,

Лишь через сорок лет я озвучила своё «Прости»:

Тяжесть с памяти дочь отпустила.

– Па, прости меня, – попросила –

А тебя я давно уж простила.

Хотелось узнать мнение профессионалов. Сергей Яковлевич Ющенко, будучи главным редактором районной газеты «Победа», вывел меня на директора департамента информации и печати МГУ имени адмирала Г.И.Невельского Владимира Михайловича Тыцких. А тот отдал книгу Ие Анатольевне Пермяковой.

Поэтесса, журналист газеты «Утро России» после хвалебных слов в мой адрес, задала вопрос:

– А где девочка дальше? Почему она остановилась на пороге взрослой жизни?

Видимо, в подсознании уже жило продолжение книги. Недаром я назвала её тройным именем. Я работала по девять часов в сутки. Надо было дать себе отдых. Летом две тысячи второго года я села в поезд и поехала домой на Урал. Я ехала по незнакомой стране.

Не сразу я поняла, что не дописала «...Варвару». Сегодня главу «Новые времена» в третьей книге я бы

назвала «Растерянность». Решение написать четвертую книгу пришло после второй поездки на Урал летом две тысячи девятого года. Здесь я пытаюсь рассуждать о прожитом и настоящем дне. Прислушиваюсь к суждениям простых людей, стараюсь сопоставлять их мысли с собственными впечатлениями.

Сегодня стало модно поругивать девяностые, называть их «лихими», радоваться и удивляться, что выжили, не захлебнулись, не все утонули – и, Слава Богу. Чему нас научили эти «лихие» годы? У меня до сих пор больше вопросов, чем ответов.

Директор народной просветительской программы «Новая книга» Людмила Ивановна Качанюк брала на себя все хлопоты по изданию моих книг. Огромное спасибо ей и членам её дружной семьи.

Спасибо сыну Ии Анатольевны Алексею Пермякову, художнику-оформителю моих последующих книг.

На творческом пути я встретила добрых и неравнодушных людей. Журналист газеты «Ударный фронт» Алла Антоновна Тишкова трудилась над этой книгой, находила опечатки и пропущенные запятые.

Признательна я членам литературного клуба «Ласточка» за моральную поддержку. Презентация изданного творения всегда проходит тепло и радостно.

Спасибо за финансовую помощь предпринимателю Ирине Дмитриевне Нестеровой, председателю районной Думы Виктору Стефановичу Кирпичёву, президенту фонда «Северное Приморье» Анне Викторовне Черниковой. И всем добрым людям, что делились со мной последним, памятуя, что я пенсионерка.

С уважением ко всем моим читателям.

З.М.Шадрина.

Долгие размышления

Свой день рождения в две тысячи втором году Варвара встретила в поезде, возвращаясь из Челябинска домой. Излучинск, где она жила уже больше двадцати лет, давно стал её домом. Вместе с ней возвращались юноши, отслужившие свой срок в армии.

Пожилые пассажиры, утомлённые шумным весельем юнцов, миролюбиво ворчали и улыбались. Они понимали, что им не остановить рвущуюся наружу радость молодых ребят, сбросивших тяготы армейского устава. Но даже здесь, в вагоне был свой старшина, которому все или почти все подчинялись.

Парня звали Николаем. Николенька... Что-то трепетное и нежное шевельнулось в груди у Варвары. Неужели тот Николенька из далёкого прошлого, что осталось в уральском посёлке Новогорный, так и не ушёл в никуда и теперь напоминает о себе.

Он так и не дождался Вареньку на Кармановской ГРЭС. Наверное, это правильно. Варя бы корила потом себя всю жизнь, что загрузила парня своей семьёй, не дала ему право выбора. А Николеньке надо было бы очень постараться, чтобы убедить Варвару, что она единственная и неповторимая в его жизни и никакая другая женщина ему не нужна.

В день рождения Вари Николай увёл шумных попутчиков в другое купе и Варя уснула. Проснулась от нежного запаха цветов. На её столике почти у изголовья лежал букет полевых цветов. Мальчишки с сияющими лицами молча ждали пробуждения женщины. На столе стояли кружки с чаем. На салфетке горка печенья и конфет. Так Варя в кругу юношей встретила свои шестьдесят четыре года.

Николай и трое его товарищей ехали в Уссурийск. Они проводили Варвару на её станции, вынесли её сумку на перрон. Поезд стоял недолго. Юноши смотрели в окна, улыбались. Варя тоже улыбалась, губы шептали:

– Николенька, прощай. Будь счастлив, юноша. Николенька...

Что-то беспокоило Варвару ещё там в пути. Но в сутолоке вагонной жизни она не смогла сосредоточиться на своих мыслях. И только потом, дома, оглянувшись на события прожитых в дороге и в гостях дней, стала тихо размышлять.

Что увидела она и что поняла? Тут, дома в Излучинске, жизнь хоть и кипела страстями, но была привычной. Мой дом – моя крепость.

А там, особенно в пути и в Астрахани, куда она почему-то решила съездить, Варвару не покидало чувство растерянности, схожее с чувством страха. Это когда ты попадаешь вдруг в чуждый для тебя мир, в чужое пространство или даже измерение. Этот мир, вроде и напоминает давно прошуршавшие картины бытия, но от этого не становится доброжелательным и родным.

Даже Надя, продавщица на рыбном рынке в Астрахани, которой она пела стихи, посвящённые Александру, теперь казалась такой же потерянной в этой жизни, как и она, Варя. Значит, не одна она потеряла устойчивость в хаосе нагромоздившихся событий. Да и сама Астрахань казалась испуганной, приглядывающейся к вновь прибывшим, словно спрашивала:

– Кто такие, и зачем пожаловали?

И Варвара не посмела достать фотоаппарат, чтобы увековечить снимком мечеть, мимо которой когда-то

ходила на работу. Нашла она и свой, почти вросший в землю домик, где они с мамой Капой делили место под крышей и добрые отношения со «старой и больной еврейкой» Розой Геннадьевной.

Старой больной еврейкой Роза называла себя с лёгкой иронией над собственным каламбуром, а её понятливые соседки, ставшие ей родными, принимали это и только улыбались в ответ.

Но и тут не посмела Варвара щёлкнуть фотоаппаратом. Напротив утлого жилья красовалось здание, выполненное в нелепейшем стиле, который разрушал старинную архитектуру древнего города. Это был, скорее всего, современный банк.

Молодые люди в белых рубашках и галстуках стояли возле её дома, курили и о чём-то весело болтали. Они не обращали внимания на пожилую даму, растерянно остановившуюся невдалеке. И всё же фотоаппарат мог насторожить «белые воротнички». Так, во всяком случае, казалось Варваре.

Радовала и угнетала встреча с тётёй Аней. Старой женщине не давали покоя обиды молодости. Её глаза постоянно слезились. Через два года с небольшим после встречи с племянницей тётя Аня уйдёт в мир иной. Унесёт ли она с собой горечь обид или простит всех и тем облегчит свою душу? Этого нам не узнать. Но одно было бесспорно: она слушала и услышала Варины слова. Тётя Аня, согласно кивая головой, говорила: – Я послушаюсь тебя. Мама-то твоя, Максина крёснущка, умная была. Она мне то же самое говорила. Теперь со мной остались только дети мои. Слушают меня и молчат.

Но тётя Аня вдруг разбудила глубинную память о бабушке Ульяне. Она ещё раз, уже в реальной жизни

подтвердила наличие Васютки, Василёчка, кровного отца Устиньи-Капиталины. Варю потянуло к компьютеру, и она села за повесть «На грани веков».

Наваждение

Варвара часто вспоминала слова бабушки Ульяны. Как-то в разговоре с внуками она сказала примерно такие слова:

– Много ли человеку для счастья надо? Чтобы с рождения отец с матерью добрыми да любящими были. Чтобы ещё отроком ремесло полюбил, а это ремесло потом работой по душе стало. А работа, она и оденет, и обует, и накормит, и крышу над головой построит, а самое главное, семьёй обзавестись позволит. Вот и всё. Начинай всё сначала. Своих деток займешь, любить станешь, памятую родительскую любовь к себе самому. Уму-разуму научишь и к ремеслу усердие привьёшь. И с внуками водиться с радостью будешь. Что ещё человеку-то надо? Чтобы старость свою в кругу родных тебе людей встретить.

Почему Варька не выбрала себе профессию, близкую к литературному творчеству? Она и сегодня затрудняется на этот вопрос самой себе ответить. Может, усомнилась в собственных силах? Побоялась, что труд журналиста-литератора или даже учителя литературы не даст ей крепкой опоры в жизни.

Предвоенные дети, испытавшие голод и разруху большой войны, старались получить профессию серьёзную. Таковой они считали профессию, связанную с промышленностью, строительством. Но, видимо, что заложено в человеке с рождения, выход свой рано или поздно найдёт.

Литературное творчество Вари, как родничок просочилось сквозь годы, нашло свой выход. Она радовалась и удивлялась тому, что происходило в ней самой.

Откуда, из каких кладовых памяти шли картины жизни, которую она не видела и никогда раньше даже представить не могла? Да, она вспоминала отрывочные высказывания бабушки и только. Что могла девочка-малолетка понять из бабушкиных, будто невзначай, брошенных слов? И вдруг эти слова и фразы её фантазия объединяла в образы, события.

И всё-таки, многого Варвара просто не могла понять. Что заставляет человека, пусть и творческого взяться за перо или сесть за клавиатуру компьютера и писать о том, чего не видела и не знала, удивляться и радоваться тому, что появлялось на мониторе.

Откуда взялась глава про Акулинино семья? Девушка Акулина, соблазнённая купеческим сыном, рождает дочь и топится. Девочку тоже называют Акулинушкой и та же история. И только третья Акулина, взятая на воспитание бездетной вдовой, вдруг уходит в монастырь, чтобы стать Христовой невестой и замолить грехи своих родителей.

И старый купец, помешавший счастьем своего сына, и тем самым не уберёг его от разгула и смерти, тоже в монастыре доживал свой век, молил Господа о прощении. Значит, прадед и правнучка в одно время просили Господа о милости.

Много раз Варваре хотелось избавиться от этого жуткого на её взгляд эпизода, но не тут-то было. Как только она убирала эту главу из книги, мысли останавливались и она, тупо уставившись в пространство, не могла написать дальше ни единой строчки.

Что это? Этого Варя не могла объяснить ни тогда, ни по сей день. И вообще, откуда в её воображении так чётко вставали картины той, бабушкиной жизни. Всего несколько слов о реке, которую семья каторжанина Викула, жившая в крае озёрном, видела впервые. А сказал их старший братишка Ульяны:

– Откуда столь воды берётся? Ить ни разу нигде не порвалась: всё идёт и идёт. А? Это же и дённо, и ночью всё катит и катит. В озере понятно. Яма большая, там она хранится. Весной снег и лёд растают – озеро пополнится, потом летом дожди ему высохнуть не дают. И то, если лето сухое, озеро мелеет. Я всё думаю: пошто она, вода-то, дальше в землю не проваливается? Ну да это ещё как-то понять можно. Наверно дно под илом каменное. А тут... Где же столь воды много берётся, что эта Обь ни разу не прервалась?

Эта повесть особенно дорога Варваре её загадочностью. Она сравнивала работу над книгой с поездкой в ночное время по мокрому асфальту шоссе. Фары высвечивают часть дороги. Свет выхватывает из темноты небольшое пространство. Дальше тьма, ничего не видно. Сюжет книги рождался, постепенно вбирая в себя события, фрагменты бытовой жизни.

Она не знала, что там, в следующих строках, страницах нарисует ей её воображение, что подскажет память, спрятавшая в свои кладовые слова и поступки бабушки Ульяны. Когда эту книгу читала двоюродная сестрёнка Варя, что теперь жила в Челябинске, всплеснула руками и пролепетала:

– А я этого не помню.

Казалось, баба Уля сообщала о своей жизни только ей, Варваре, отпрыску её единственной дочери Устиньи-Капиталины. Это как послание потомкам через

избранного проводника. Эта книга и по сей день греет душу Варвары.

Нет того дня, когда она не произнесла бы имя бабушки вовсе не из благодарной памяти о ней, а просто так, без надрыва и суетности. То придут вдруг слова-поговорки, то мудрое изречение Ульяны, сказанное спокойно и негромко, но так что слышат все или те, кому услышать надо.

И не всегда эти слова сразу бывали поняты. Вот, например: «Не нами сказано, не при нас и умрёт». Варвара поняла их только тогда, когда взялась за перо. Вернее, когда освоила клавиатуру компьютера.

Работа над книгой уводила от реалий жизни. Но время само копило и сохраняло те познания, которые приходили вроде невзначай, утоляя любознательность творческой натуры. Эти познания вскоре легли в основу новой книги «На крути своя», а потом и в «Подснежниках» досказали и дорисовали то, что просилось наружу.

Варя была благодарна своим сыновьям, которые приняли поначалу маменькин творческий зуд, как желание заполнить свободное время. Есть присказка:

– Чем бы дитяtko не тешилось, лишь бы не плакало.

Но надо сказать, что мама Варя доброжелательно отзывалась на просьбы детей о помощи. Особенно нуждался в её поддержке младший. Невестка Леночка решила получить диплом педагога заочно.

Когда её вызывали на сессию в Хабаровск, мама Варя приезжала в Находку на месяц или полтора и кормила сына с внуками, следила и занималась с ними домашними уроками. Варе было лестно, что внукам не хотелось расставаться с бабушкой.

Егорка со Стёпочкой спали на двухъярусной кровати. На вопрос бабушки, а где она будет спать, если останется с ними, в один голос сообщали, что попросят папу устроить третий ярус. На удивлённый взгляд бабушки Вари Егор торопливо добавлял:

– Не бойся, я на третий залезу, Стёпка на второй, а ты на первом спать будешь!

Приходилось придумывать разные причины, почему бабушке надо ехать домой, но она обещала, что по первому звонку готова будет снова приехать. На этом все успокаивались, прощались с мамой и бабушкой Варей до следующей оказии.

А дома её ждали Семён и Артёмка – дети Андрея и Ольги. Но ещё и компьютер с недописанной новой повестью. Приходили стихи в час задумчивости или восторга. Жизнь продолжалась. Время, проведённое в Находке и в дороге, тоже не пропадало даром. Столько встреч с интересными людьми.

События, казавшиеся поначалу незначительными, вдруг обрастали новыми подробностями. А для чего дана фантазия творческому человеку, если она конечно не из мира утопии?

Повесть «На грани веков» Варя издала на деньги, которые пенсионеры отсудили у производства, не выполнившего обязательства перед бывшими работниками. Пришлось опустошить и сберкнижку. А на книжке задерживались пенсионные деньги, сохранявшиеся во время её отъезда в Находку к внукам.

Сын брал на себя мамины дорожные расходы. На жалобный взгляд, что вам тут деньги нужнее, улыбался, обнимал маму за плечи, говорил-ворковал:

– Ты нам и так сэкономила. Ты ведь ходишь по магазинам, где товар дешевле. А эти магазины обычно не

на главных улицах. Мы с Леной едем с работы, заезжаем в супермаркет, берём всё необходимое, не глядя на цену. У нас нет время. Так что не переживай и спасибо тебе. Ты на хозяйстве, а у меня гора с плеч. Я за ребят не переживаю: дети накормлены, в садик и школу отправлены. Ты их встретишь, поговоришь, познакомишься. Нам с Леной вечно время не хватает.

Он отводил взгляд в сторону, словно пытался спрятать нахлынувшее волнение, и добавлял:

– Да и меня своими вкусностями побаловала. То пельмени, то котлетки, беляши и твой фирменный рыбный пирог. Когда я снова попробую всё это?

Сын говорил и говорил. Казалось, и ему не хотелось расставаться с мамой. В эти минуты он вдруг становился малышом с его желанием хоть на минуту разделить с мамой груз собственных забот. Они оба забывали о возрасте, возвращаясь в те времена, когда мама решала семейные проблемы.

Он долго стоял на перроне, а мама Варя смотрела в окно, ей было грустно, но она улыбалась. Сын махал рукой, а она вытирала повлажневшие глаза.

Поговори со мной...

С Николаем Семёновичем Дункаем Варя познакомилась неожиданно. В январе две тысячи третьего года в районной библиотеке награждали победителей литературного конкурса имени Н.С. Дункая.

К тому времени Варя уже была членом литературного клуба «Ласточка» и пришла порадоваться за своих одноклубников. И вдруг произносят её фамилию. Оказывается, на конкурс попала небольшая глава из её трилогии, которая только готовилась к изданию. Ди-

пломы вручал Виктор Холенко, главный редактор газеты «Победа». За столом сидел Николай Семёнович. Он поднял голову, в глазах блеснули лукавые искорки, улыбка слегка тронула губы. Пожимая Варваре руку, сказал:

– Я рад, что ряды прозаиков пополнились ещё одним писателем.

Такая оценка для новичка дорогого стоила. К своему стыду, Варвара тогда почти не знала Николая Семёновича. С его творчеством была мало знакома.

Вышел в свет роман-трилогия. Варя шла в сторону редакции. Кто-то торопливо её догонял. Она остановилась, чтобы пропустить спешащего и наткнулась на озорной взгляд Николая Семёновича:

– Кажется, старый охотник догнал рыжую лису.

Он тут же продолжил свою речь:

– Читаю твою книгу. Хорошо написала. Только больно мелкий шрифт. Тяжело читать, глаза болят.

Варвара усмехнулась в ответ:

– Николай Семёнович, издатели на наши спонсорские копейки стараются хоть что-то выпустить. Чем мельче шрифт, тем тоньше книга. Чем тоньше книга, тем она дешевле.

Воспользовавшись его молчанием, добавила:

– Что делать? Государству мы не нужны. Да и есть ли оно у нас, государство-то? Каждый сам по себе. Если Вам, члену Союза писателей помогают находить спонсоров. Что уж о нас говорить? Но, в творчестве наша радость, которой мы делимся с другими.

Оба согласно вздохнули и печально улыбнулись.

Однажды раздался звонок в дверь Вариной квартиры. На пороге стоял Николай Семёнович. Он удивился:

– А ты как тут оказалась?

Ответить не успела, а он уже сообщал, что приходил к Леночке Меньшаковой, принёс ей дикоросы, а дома не застал. Варя увидела пакет с какими-то саженцами, сиротливо прислонённый к стенке.

Через несколько минут они уже пили чай с Вариной незамысловатой стряпней и весело о чём-то толковали. После этого знакомства он ещё пару раз заходил к Варваре. Ещё с порога весело сообщал:

– Набегался старый охотник. Дай, думаю, зайду. Может, хозяйка чаем угостит, да и ноги отдохнут.

Говорили, казалось, ни о чём серьёзном. Он уходил. А Варвара всё ещё чему-то улыбалась. Казалось, тепло его души ещё долго жило в стенах её однокомнатной квартиры, порхало солнечными зайчиками возле кресла, где он сидел ещё недавно.

Однажды зазвонил телефон. В трубке чему-то печалился голос Николая Семёновича:

– Поговори со мной, хохотушечка.

Стало зябко на душе. Варя старалась говорить бодрым голосом, шутила, смеялась. Она не знала тогда, что слышит его последний раз. В октябре две тысячи четвёртого года талантливый, умный, а главное очень добрый Человек навсегда покинул этот мир. Иногда Варваре кажется, раздастся звонок, и трубка голосом Николая Семёновича скажет:

– Поговори со мной, хохотушечка...

Через шесть лет Варя отнесла в редакцию воспоминания о Николае Семёновиче. Как быстро летит время. Варя до сих пор отчётливо помнит каждую встречу с человеком, писавшем про охотников-удэгейцев, про их обычаи. Он оставил нам чудесные сказания этого народа.

Коробок спичек

До пенсии, которую Варвара Михайловна называла стипендией, оставалось дня три. Сроки получения денежной выплаты зависели и от расторопности Пенсионного фонда, и от почты. Иногда и праздничные дни, которых в России множество, тоже могли спутать планы пенсионеров, живущих от получки до получки, считающих каждый рубль. У Вари вошло в правило подбивать итоги каждый вечер: сколько израсходовала, сколько ещё осталось.

Получив деньги, первым делом платила за свою однокомнатную квартиру, куда, кроме квитанций жилищных контор, входило электричество и телефон.

Писательская деятельность слегка приподняла её над миром повседневности. Хотелось оставить детям воспоминания о бабушке Ульяне, о своём детстве и юности, о жизни её поколения, объединённого союзным Государством, которого сегодня уже нет.

Но, литературное творчество как-то само собой вышло за узкие рамки личной жизни. Может, одобренная профессионалами, Варя расправила крылья, почувствовала, что способна на большее. Да и остановиться уже не могла и не хотела. Большой удачей считала встречу с Ией Анатольевной Пермяковой, профессиональным журналистом и поэтессой.

Как всё или почти всё, в новом государстве стало чьей-то собственностью, так и писатели, даже профессиональные искали спонсоров, чтобы издать очередной «шедевр». Сами или почти сами занимались распространением своих творений. Ни о каких гонорарах речи не могло идти. Благодарили и низко кланялись тем, кто им ещё не отказывал в помощи.

У новоиспечённого литератора Варвары Михайловны денежных запасов не оказалось, а ходить с протянутой рукой она не умела или почти не умела. Учиться попрошайничеству приходилось на ходу или по ходу действий. Экономить Варя умела, но экономить от пенсии – дело нелёгкое. Она никогда не была прихотлива в еде. Туалеты себе чаще придумывала и исполняла сама. В своё время хорошо и много вязала, шила и перешивала. Это тоже помогало ей экономно жить.

И в этот раз она отослала издателям всё, что сэкономила и выпросила. Пересчитала в кошельке копейки, заглянула в холодильник и осталась довольна. На пачку сухих корейских сливок в оптовом магазине и на полбуханки хлеба у неё хватало. Варя усмехнулась: – Даже пятьдесят копеек на развод останется.

С этими счастливыми мыслями она пошла в оптовый магазин, который находился на окраине городка в складских помещениях вперемежку с гаражами.

Оптовики не любят покупателей-штучников, но терпят их как могут. Понимая, что штучники народ в основе своей бедный, разговаривают с таким покупателем сквозь зубы или просто молча морщатся, отпуская им пачку чая или банку сгущёнки.

Варя вежливо попросила пакет сухих сливок, подала продавцу купюру, с которой должна была получить рубль. Этот рубль, добавленный к мелочи на дне самодельного кошелька, должен был обеспечить ей хлебное довольствие минимум на три дня.

Вместо сдачи, круглолицая продавщица кинула рядом с пакетом сливок коробок спичек. Варвара жалобно пропищала:

– Мне спички не нужны, – чуть тише добавила: – Я не курю, и печки дома у меня нет.

Продавщица процедила сквозь зубы:
– У меня нет мелочи.

Варя молниеносно поняла всю нелепость своего положения. Просить и униженно доказывать женщине, для которой рубль – это мелочь, было выше всяких сил. В то же время она понимала, что осталась без хлеба. Неужели затевать спор из-за рубля или попросить хотя бы пятьдесят копеек?

Но с чем идти в магазин, в котором хлеб продавали и без того дешевле, чем в других... Она устыдилась своего нищенского положения, взяла пакет со сливками, коробок спичек и вышла на улицу. Ещё в Астрахани приученная к крепкому чаю со сливками, Варя давно перешла на самые дешёвые, но и относительно качественные добавки к чаю. Она шла, опустив голову, усмехнулась:

– Дожилась. Может, в магазине за хлеб вместо пятидесяти копеек предложить коробок спичек, да ещё сдачи попросить?

Не хотелось тревожить своими проблемами старшего сына Андрея. У того своих забот хватает. Да и как признаться, что тебе для «полного благополучия» не хватает пятидесяти копеек. Она помнила наставление матери: «Если женщина сумела уложиться в семейный бюджет, значит она неплохая хозяйка. Если в конце месяца у неё что-то осталось в кошельке, значит она хорошая хозяйка. Если эта хозяйюшка занимает от получки до получки хоть копейку, значит, не умеет разумно вести хозяйство».

Варвара редко и в молодости занимала на семейные расходы, а теперь всякий раз доказывала в первую очередь самой себе, что и на пенсию можно прожить. Но к сыну идти пришлось. Занимать у подружек пять-

десять копеек – смешно. Да и у них могло не оказаться в кошельках даже такой мелочи. Хлеб тот продукт, без которого Варя обойтись не могла.

Мучительно соображая как ей поступить, она усе-лась напротив сына за кухонным столом. Мама Варя помнила, что с изданием своих книг она и без того ставила в неловкое положение своих самых близких людей, которые просто не могли ей ни в чём помочь. Она держала на ладони коробок спичек, криво улыба-ясь, проговорила:

– А что, курильщик, коробок спичек у мамочки за па-ру рублей не купишь?

Почему за пару рублей? Она и сама-то себе не отве-тила бы. Может, шутка получилась бы не очень, по-проси она рубль? Сын вопросительно смотрел на ма-му. Пришлось вкратце рассказать о проблеме.

Сын жалобно глянул, вынул из кошелька сто рублей и положил перед Варварой купюру. Та замахала рука-ми, объясняя, что ей и надо-то всего пятьдесят копеек, что так уж получилось и что если бы не этот коробок спичек, у неё всё бы сошлось...

Дети, привыкшие, что мама Варя всегда находила выход из любого затруднительного положения, всё-таки поначалу интересовались экономической жизнью мамы-пенсионерки, но та заверила их, что всё у неё хорошо. Иногда смеялась:

– Ну, если совсем прижмёт, тогда приду в гости и по-прошу поесть. Накормите? Не переживайте вы за ме-ня! Много ли мне одной-то надо?

Вскоре Варваре сообщили, что книга готова, можно забирать. Она уже получила очередную пенсию.

Из ста пятидесяти экземпляров, на которые Варя сумела наскрести деньги, пятьдесят она оставляла из-

дателям для рассылки по библиотекам и в подарок тем, кто трудился над изданием её очередной книги.

Это была её вторая книга. Первую ей привезли спонсоры, без которых она свой трёхтомник, наверное, не сумела бы издать. На помощь профсоюза надеяться, тоже не стоило.

Старая гвардия

Перед уходом на заслуженный отдых Варвара спросила у председателя профкома, с которым рука об руку проработала много лет:

– Мы сейчас чьи?

Ответ последовал незамедлительно:

– Вы теперь соцотделовские.

Она тогда не придала этому ответу никакого значения. Уход на пенсию совпал с дефолтом девяносто восьмого года. От нового, такого непривычного для неё слова «дефолт» повеяло холодом. Страх незримо пробрался и окутал душу. Варвара даже хотела забрать своё заявление об увольнении на пенсию по собственному желанию.

Выходные дни. Варя налила в стакан водки и одним махом осушила его. Что творилось у неё в душе? Может, подсознание делало свою подсказку. Водка оглушила, дала выход слезам. Она ревела, пела песню про ямщика, который замерзал в степи. Утром села за стол и громко сказала сама себе:

– Что ты так убивасься? Одна такая что ли? Утонем, так все вместе. А если выживем, удержимся на плаву – тоже все вместе. Вспомни поговорку: «На миру и смерть красна». Ну, вот и всё. Иди и оформляй свою пенсию. Сколько тебе лет? Шестьдесят. Сколько ты в

своей жизни отдыхала? Правильно – даже не помнишь. Дети сами зарабатывают на хлеб и в твоей помощи не нуждаются. Пенсии, поди, на хлеб-то хватит.

Вскоре прошёл слух, что из профсоюза пенсионеров выпроваживать без их согласия не имели права. Народ зашумел и ринулся в профком. Не сразу, но и Варя в профком пошла. Председатель, потупившись и скукожившись, как мог, отбивался от старой гвардии. Варя поймала его и тет-а-тет спросила:

– Серёжа, тебе не стыдно? Мы отдавали производству всю свою силу, да и профсоюз для нас не был пустым звуком. Решали и свои, и общие задачи. Работали вчера, казалось, на износ. И вот сегодня, неизвестно с чьей подачи, из жизни коллективной вычеркнули нас.

Она декламировала собственное стихотворение чётко, в голосе звучала горечь. Подняла глаза на бывшего соратника по профработе и продолжила:

– Да ладно, вовсе мы не рвёмся на Канары! Хотя не хуже мы заморских стариков. Зачем менять рубли на фунты и динары? Зачем нам суета чужих материков?

Сергей смотрел на Варвару с изумлением, будто видел впервые. Губы у неё скривились в усмешке:

– А я всю свою трудовую жизнь была не просто членом профсоюза, а ещё и членом профкома. И нагрузки таскала на своих хрупких женских плечиках, – не всякому мужику под силу. И заметь – бесплатно. Это теперь вы все на деньгах помешались. Без копейки себе под ноги не плюнете. Само слово «бесплатно» выговариваете, как ругательство.

Голос поскрипывал, крепчал. Сергей выслушал Варвару, заговорил, стараясь унять тоску души:

– Да пойми ты, на тебя, именно на тебя сейчас смотрят все: возьму или не возьму обратно. Ну, не могу я

вас принять. Вы мне и впрямь не нужны. Мы и сами-то тут до каких-то свободных профсоюзов договорились. Тыфу ты! Сам скоро запугаюсь в этой чехарде.

Варвара оставила на столе председателя листок со стихотворенным «Шути, пенсионер!», повернулась и вышла. Ей нелегко было выслушивать не то оправдания, не то наскоки на старую гвардию.

Да ладно! Вовсе мы не рвёмся на Канары!
Хотя, чем хуже мы заморских стариков?
Сменяем пенсию на фунты, на динары
И поглядим на мир других материков!
Банкир презрительно поморщится, зевая:
«Да я и нищему чуть больше подаю.
Не суетитесь вы, пред вами кущи рая,
Ведь вы одной ногой могилы на краю». —
Улыбку до ушей напаялим на морщины:
«Мы с вами лихо пошутили, господа!
Увидеть бы ещё просторы батьковщины,
Не торопите нас с уходом навсегда...»
Мы слишком далеко живём от Ленинграда,
От Красной площади и древнего Кремля...
Ах, молодость моя, — великая награда,
Лишь старость сознаёт, как хороша Земля.
Не накопили мы и хапнуть не сумели:
Воспитаны не так, да и сноровки нет,
Не по карману нам родные колыбели
И берег с камышом счастливых детских лет.
Решали и свои, и общие задачи,
Работали вчера, казалось, на износ...
И вот сегодня, неизвестно с чьей подачи,
Из жизни коллективной вычеркнули нас.

Да ладно! Мы совсем не рвёмся на Канары!
Хотя, не хуже мы заморских стариков.
Зачем менять рубли на фунты и динары?
Зачем нам суета чужих материков?..

Одно усвоила Варвара: старой гвардией пенсионеров называли так, для прикрытия. Их давно списали в ненужный хлам, которому надо ещё и пенсию платить. А как-то услышала даже такое:

– А за что вам пенсию-то платить? Вы работали вообще в другом государстве.

Не вступила Варвара в полемику с говорившим. Она понимала, что человек говорил или не от великого ума, или хотел затеять ни кому не нужный спор от отчаянности, что кипела в нём и рвалась наружу.

Правда, ответил молодому пожилой мужчина, видимо, тоже из числа «старой гвардии»:

– Да уж, тут ты, пожалуй, прав. Только у нас было Государство, а у вас – его нет.

Не дал молодому открыть рот, продолжил:

– Но мы так много сделали, что вы до сей поры разворовать не можете.

Наверное, старогвардеец понимал, что молодой петушился от досады на то, чего и сам-то понять не может. Получив от старика плюху, молодой умолк и, как сейчас говорят, тем самым умылся.

Она понимала, что штурмовали профком старики скорее из принципа. Все давно знали и видели, что сегодняшний профсоюз и работающим-то ни чем помочь не мог. А тут ещё старьё в дверь стучится.

Мысли о профсоюзе отвлекли Варвару на какое-то время от проблемы, как привезти из Владивостока свои книги. Всегда активная, бойко открывавшая две-

ри начальственных кабинетов, когда дело касалось других, Варвара не научилась просить за себя. Она робко постучалась в двери нескольких кабинетов, спросила, не поедет ли кто в красной центр по делам и не привезёт ли попутно её книги.

Ей вежливо улыбались, пожимали плечами и сообщали, что в ближайшее время такой okazji не предвидится. Варя, недолго думая, села в автобус и сама поехала за своими «кирпичами». Так она в шутку называла книги за их форму и немалый вес, особенно, если их набиралось в пределах сотни.

Уже в автобусе вспомнила случай из своей жизни. Всё чаще память возвращала её на Украину. В профкоме ей поручили молодёжный отдел. Самым большим вопросом была вечерняя школа. Рабочий класс зачастую работал по сменам, а значит, и посещаемость хромала. Варвара встретила с директором вечерней школы.

Худощавый, лысеющий мужчина слегка за пятьдесят, в очках встретил молодую недоверчиво. В глазах читалось: «Нашли, кому важное дело поручить. Видали мы и не таких!» Варя поняла тоску директора вечерней школы. Тихо, но чётко спросила:

– Список прогульщиков, их место работы у вас, я надеюсь, есть?

Директор махнул рукой и процедил:

– Всё у секретаря, – и дал понять, что разговор окончен. О чём можно говорить с этой дамочкой?

Получив список «злостных прогульщиков», Варя не стала искать учеников, а пошла по кабинетам их начальников. Входила к начальнику цеха не как проситель, а тоном, не терпящим возражений, заявляла:

– Если ваши вечерники и после моего визита к вам станут прогуливать уроки, говорить будем у директора. Не поможет директор, встретимся в райкоме партии. Всё понятно?

Она оставляла на столе список прогульщиков и уходила. Начальники вначале взъерошились:

– Кто такая, чтобы ультиматумы предъявлять?! Мы тут работаем, а не в бирюльки играем!

Но вскоре вопрос посещаемости вечерней школы у всех стал вопросом номер один.

Примерно через пару недель Варя на улице столкнулась с директором вечерней школы. Она и не обратила бы внимания на худощавого очкарика, если бы он сам, раскрыв объятия, улыбаясь самой щедрой улыбкой, не остановил её словами:

– Варвара Михайловна, голубушка! Просто не знаю, как вас благодарить, какие слова найти для такого случая! Простите меня, что при первом знакомстве был просто невежлив. И как это вам удалось?!

Варя улыбнулась и пошла своей дорогой. А директор ещё долго стоял на тротуаре и смотрел вслед невысокой миниатюрной женщине. С этого дня он помощницу свою называл непременно по имени-отчеству, приглашал на все торжественные мероприятия и не уставал восторгаться её организаторским способностям.

Ямщик

Воспоминания увели её в далёкие семидесятые годы. Она улыбалась, глядя в окно, за которым сгустились сумерки, переходившие в ночь. Небо зажигало звёзды. Пассажиры, усевшись поудобнее, пытались

подремать. Автобус во Владивосток прибует рано утром. День будет хлопотным.

Во Владивостоке Варвару встретили приветливо. Она подписывали свои книги. Делала это неумело, стеснялась повышенного интереса к собственной персоне. Сергей Юдинцев, замдиректора информации и печати МГУ имени адмирала Г.И. Невельского, угостил чаем с булочкой. Обратнo автобус уходил часа через полтора.

До автовокзала её проводил тот же Серёжа Юдинцев. По дороге трамвай вдруг остановился. Пассажиры зашумели. Кондуктор прокричала:

– Опять свет отключили!

Сергей, схватив увесистую сумку с книгами, бегом побежал к стоявшему невдалеке автобусу. Варя едва поспевала за молодым помощником. Они успели вскочить в автобус, плюхнулись на заднее сидение, глянули друг на друга и расхохотались.

Чему смеялись эти двое? Может тому, что поймали автобус, как птицу удачи за хвост в последнюю минуту. Или эта пробежка просила аплодисментов. Всё складывалось пока удачно. Прибыли на автовокзал не только вовремя, но и с запасом времени.

Варя купила билет. Серёжа тоскливо глядел на сумку с книгами. Ему не терпелось вернуться па работу, но сказать об этом Варваре Михайловне не позволяло банальное приличие. Она поняла ситуацию:

– Серёженька, иди, возвращайся к себе. – Она улыбнулась: – Большущее тебе спасибо за помощь. Что бы я делала с этими книгами одна в огромном городе, да ещё и с ненадёжным городским транспортом. Иди. Я кого-нибудь из пассажиров попрошу сумку в автобус

втащить. А там, – глаза заискрились тёплой улыбкой:
– А там меня встретят. Спасибо, иди, мой хороший.

Сергей улыбнулся и неспешно, оглядываясь, направился к выходу. Наверное, ласковое обращение пожилой женщины вернуло его в пору детства-юности. Может, так его называла мама или бабушка.

Занести книги в автобус ей помог молодой человек. Он ждал другой автобус, который увезёт его в другой город или село. Варя примостила сумку возле ног и успокоилась. Всё складывалось пока хорошо.

Рядом села женщина лет сорока. На улице вечер, конец октября. Пассажиры, негромко переговариваясь, осваивали свои места. Наверное, набегались по шумному городу, устали за день и, устроившись в креслах, приняв удобные позы, прикрыли глаза. Каждый думал о чём-то своём. Но вот автобус тронулся.

Он долго колесил по городским улицам, прежде чем выбрался на просторы загородного шоссе. Время позднее: кто дремал, кто смотрел на вечернее небо, зажигающее огоньки созвездий. Изредка светились огнями окна мелькавших небольших селений.

В автобусе становилось холодно. Варвара кутала колени полами не очень длинной курточки. Демисезонные ботинки китайских производителей тоже плохо грели. Она только сейчас поняла, что не надела под брюки трико, подумала про себя: «Стареешь, мать. Совсем нюх потеряла. Забыла про возраст, про больные суставы».

Но почувствовала холод, видимо, не одна Варвара Михайловна. Хриплый бас разбудил тишину автобусных потёмков. Мужчина обращался к водителю:

– Командир, а печку включить не пора?

В ответ послышалось невнятное бормотание:

– У меня на подфарники не хватает...

Чего не хватало на подфарники у «командира», автомобили, наверное, поняли. Стало ясно, что на дополнительное тепло рассчитывать не стоит. Спасение замерзающих – дело рук самих замерзающих.

Когда пассажиры замёрзли основательно, автобус сделал остановку у придорожного кафе. Водитель объявил перекур на двадцать минут. На полусогнутых ногах, окоченевшие пассажиры поковыляли в кафе, чтобы согреть себя чаем. За столик напротив Варвары уселся тот, кто спрашивал у «командира» насчёт печки. Не глядя ни на кого, мужчина говорил-рассуждал:

– Добиваем всю технику, какая только есть. Рыбаки свои сейнеры, автопарки добивают автобусы. Нет государства. Что творят?.. Авиацию в частные руки отдали. Это ж додуматься до такого надо!

После короткой паузы однотонный, скрипучий бас снова нарушил молчание сидевших в кафе:

– Скоро армию какой-нибудь Березовский купит. Тогда точно – туши свет.

К столику подошёл ещё один пассажир. Он, видимо, слышал последние слова о Березовском. Поставив на стол кружку с чаем, продолжил тему:

– А что? Не последний пост при Госбезопасности занимал Борис Абрамович. Знал с кем надо дружить. Мог и армию купить. Мы теперь и не знали бы с кем и где, в каких краях и континентах наши сыновья воюют. Откуда в цинковых гробах домой вернутся.

– Потом в управление СНГ перебрался. Тоже знал, где куш или жирный кусок можно ухватить. Только за такими по пятам костлявая с косой ходит. Если лишнее скажешь, свои же и укокошат.

– Его в розыск объявили, а он из Грузии через Россию в Лондон летит, а наши ищейки глаза зажмурили – пусть летит. Он с Абрамовичем в Лондоне судится, а его опять никто не видит. Все его ищут. На весь свет смеху хватит. Умеют наши рассмешить.

– Вот и с Лужковым не всё понятно. Я его за своего принимал. Под Ленина рядился. Кепкой прикроется, костюмчик так себе, не самый шикарный, похоже и не глаженный даже. Глаза добрые, умные, улыбочивые. Свой мужик. А он оказался не лучше Березовского. Да, разочаровал меня Юрий-то Михайлович.

– А где тогда были опять же славные российские сыщики, если он у властей московских под носом такое творил? И ведь живёт припеваючи в Австрии, фермером заделался. Не понимаю я такой политики.

– А, может, его вынудили убраться из России?

– Что, и деньжатами снабдили, лишь бы не мешался, под ногами не болтался? У них с жёнущкой не только конезавод, а и недвижимость имеется. Умеют люди чужое присвоить. Только совесть где? Даже по телевизору показывали, как ему там хорошо живётся. А он опять улыбается и чему-то русского мужика учит.

В это время раздался гудок автобуса, оповещавший, что перекур окончен. Мужчина, что завёл разговор ещё в автобусе, также, не глядя ни на кого, вытер губы бумажной салфеткой и направился к выходу. Вскоре автобус пылил по холодным просторам Приморья.

Уже в автобусе соседка Вари, слышавшая разговор мужчин в придорожном кафе, рассказала байку:

Собралась семья у телевизора вечером. Дивятся на этот самый суд в Лондоне. Глуховатая бабуля спрашивает у своих детей:

– Так это чо, Абрамович-то сам с собой судится?

Ей объясняют:

– У Бориса Абрамовича – ударение на вторую «а» – это отчество, а у Романа Абрамовича – ударение на «о» – это фамилия.

Бабуля охает и говорит:

– Совсем запуталась я в этих Абрамах.

Дети удивляются, спрашивают мамочку:

– Ты что, против евреев?

– Да пошто? Я против жадных, да загребущих. А свои Абрамы есть у каждого народа.

Махнула рукой и пошла спать.

Женщины засмеялись. В холодном автобусе и смех хоть чуть-чуть согревает. Но самое страшное Варвару ожидало впереди. Вот уже замелькали знакомые места. Пассажиры, что ехали до конечной остановки, зашевелились. Ночь. Вот и конечная остановка. Кто-то помог Варе спустить сумку на землю.

Дверь автобуса захлопнулась. Пассажиры моментально растворились в пространстве. Небольшая площадка возле автостанции освещалась единственным фонарём, под которым осталась стоять Варвара со своей неподъёмной сумкой. В окошечко выглянул «командир» и почти радостно выкрикнул:

– Мы на час раньше прибыли!

Варя не успела открыть рот от ужаса, как автобус, выпустив струю ядовитого газа, проворно исчез за поворотом в сторону посёлка. Она глядела на освещённые улицы и тихо приходила в себя.

Раньше на час! Это значит, здание станции откроется только через час, и встречать её придут не раньше чем через час. Замёрзшая в автобусе, Варя стояла на холодном ветру под фонарём и не знала, что делать.

Только теперь она вдруг реально представила себе того ямщика, который замерзал в степи.

Ждать под фонарём открытия автостанции или своего соратника по перу, который должен прийти ей на помощь? Варвара потрогала сумку, приподняла её и решила двигаться вперёд. Китайская полосатая сумка зашуршала по не очень ровному асфальту. Приходилось перетаскивать её через канавы между дорожками. Вдоль улицы тускло горели ночные фонари.

Вдали показалась мужская фигура, пересекающая дорогу. Варваре показалось, что он направляется в сторону её дома. Она отчаянно замахала руками, издала гортанный жалобный стон. Но мужчина прокричал: – На смену опаздываю!

Он, видимо понял намерения женщины, тащившую тяжёлую сумку волоком. Варвара чуть не зарыдала. Отдохнув немного, продолжила свой бурлацкий путь. Вот и дом. На ступеньки крыльца и по лестнице сумку пришлось втаскивать рывками.

Наконец-то дверь родной квартиры! О, радость! Холод, до костей пробравший её в автобусе, сейчас трудно отпускал женщину. Скорее согреться. Она вошла в ванную и включила горячую воду.

Но вдруг вспомнила, что надо позвонить своему помощнику, чтобы он не ходил на автовокзал напрасно, если, конечно, уже не ушёл. На звонок ответила жена друга:

– Володя уже ушёл.

Но, поняв, в чём дело, договорила:

– Не переживай, он тепло одет, не замёрзнет. Успокойся. Сама-то как? Поди едва живая? Сама что ли книжки до дому дотащила?

Варвара приняла горячий душ, налила в рюмку водки, нашла огурец с колбасой и ещё раз согрелась. Наконец-то тёплая постель. Она провалилась в сон без сновидений и проспала до полудня.

Как ни странно, но она проснулась совершенно здоровой. Может, организм включил резервные силы?

Что согревает наши души?

Варя словно уходила от реальной жизни. Она доставала из кладовых памяти события прошлых лет, вспоминала тех, кто шёл по дорогам её жизни вместе с ней или рядом. Возникали картины увиденного и услышанного когда-то, фантазия добавляла свои краски, заставляла додумывать, дорисовывать, собирать в единый клубок.

Но это была и её Варина жизнь. Она высказывала миру собственную точку зрения на те события, свидетелем коих была сама. Когда доходило дело до издания её творческого детища и приходилось искать спонсоров, она задавала себе вопрос:

– Вот зачем тебе это надо? У людей на хлеб денег нет, а ты себя собственным чудачеством тешишь. Кто читает теперь книги, да ещё и писателей самоучек? Классиков-то давно читать перестали. Одни страшилки по телевизору смотрят.

Но когда видела удивлённые глаза и улыбки тех, кто жил с ней в одном посёлке и знал её, улыбалась в ответ, прогоняла мрачные мысли, говорила себе:

– Значит, не хлебом единым...

Её грело, что не запятнала своего имени, не бросила чёрную тень на собственных детей. Она не брала подношений от людей, стремящихся получить в этой

жизни хоть что-то побыстрее и получше. Да, квартирный вопрос стоял на одном из первых мест.

Варваре приходилось заниматься распределением жилья. Как председатель жилищно-бытовой комиссии при профкоме, она имела большие полномочия. От неё иногда зависело, на каком этаже, и какой планировки будет воделенная квартира очередника. Но это не было её прихотью. Так складывалось и она не делила людей на своих и наших.

Однажды пришла к ней женщина, открыла небольшой баул и, глядя Варю прямо в глаза, твёрдо, не сомневаясь в собственной правоте и победе, сказала:

– Здесь полторы тысячи. Они твои.

Женщина не раз приходила к Варю, понимала, что та знает, за что ей предлагают мзду. Посёлок хоть и городского типа, всё же не город. Тут о тебе, если ты ещё и на виду у всех, знают всё или почти всё. Конечно, ни для кого не было секретом, что Варвара вдова, что у неё три сына-студента. При зарплате в двести с небольшим рублей, полторы тысячи деньги серьёзные. От такого откажется только безмозглая курица. Но... Варя не отвела глаз от цепкого, казалось уже торжествующего взгляда просительницы. Она холодно и чётко произнесла:

– Закрой сумку, выйди и затвори за собой дверь.

Удивлённая, не готовая к такому повороту дела и не желающая смириться с поражением, просительница язвительно прищурилась и зашипела:

– Что, чистой остаться хочешь!? Не получится! Всё равно скажут...

Не дала Варвара договорить женщине, что и кто о ней что-то скажет. Сталью налился голос:

– Мне всё равно кто и что обо мне скажет. Главное, что я сама о себе подумаю.

Женщина уходила в полном недоумении. Ещё раз обернувшись у выхода, словно ждала, что гордячка одумается и остановит её. Ловкие люди не единожды пытались найти подход к Варваре подобным образом, но вскоре поняли, что это бесполезно.

Этот эпизод вспомнился неожиданной встречей. Уже публиковались в районной газете Варины стихи, короткие эпизоды из книг, небольшие статьи на заданную тему. Весна, тепло. Лёгкое пальтишко почти распахнуто. Она шла по улице, думая о чём-то своём. Вдруг, проходившая мимо женщина схватила её за борт пальто и почти притянула к себе.

В глаза Варваре глядела её бывшая просительница, предлагавшая ей большие деньги за какую-то услугу. Мелькнула шальная мысль: – Неужели побьёт? Я теперь лицо не официальное. Пенсионерка.

Но глаза женщины смеялись. Она почти вздохнула и говорила:

– Ну, надо же, она ещё и стихи пишет! Это же надо! Во, человеку талант дан от Бога. И таких, как я, укротить может и нежные стихи писать умеет. Я твои стихи в литературной страничке первыми читаю. Ты, по-ди уж, и забыла меня? Людмилой меня зовут.

Она помолчала немного, ослабила хватку рук и тихо, как-то чуть грустно добавила:

– Мы с мужем в КТЦ работаем. А у меня характер такой. Ни муж, ни те мужики, что работают рядом, со мной не спорят и не связываются даже. Знают, что бесполезно. А ты единым взглядом и словом меня за дверь выставила. И чего мне надо-то было?

Людмила вздохнула, продолжила с грустинкой:

– Строили много, а мы ещё и копались: планировка не та, соседи вредные. Как вспомню, так вздрогну. Лиха не видели вот и привередничали. Теперь совсем не строят. У людей и надежды нет свою крышу просто так, как подарок получить. Нет, когда всё хорошо, то чего-то всё равно для полного счастья не хватает.

Варвара слушала с тихой улыбкой, а Людмила ещё что-то говорила, смеялась. Они шли вдоль домов, будто две подружки, давно не видевшие друг друга. Варя смотрела на женщину почти с благодарностью.

Она и впрямь боялась, нет, не побоев конечно, но злобных взглядов и едких слов в спину. Многим ловкачам она тогда кислород перекрыла. Помогала лишь несмелым, тем, кого лихачи всегда и во все времена старались опередить, и даже подмять.

Однажды, когда Варя неторопливо возвращалась домой, её догнал пожилой мужчина с букетиком поздних астр вперемежку с ромашками. Она оглянулась, думая, что мужчина догоняет не её. Но он подошёл именно к ней. Речь сумбурная:

– Вы меня, конечно, не помните. Я вам так благодарен и супруга моя тоже. Вы уговорили нас отдать молодым, это сыну с невесткой и двум внукам, нашу трёхкомнатную квартиру, а нам, двум старым пенькам выделили освободившуюся полуторку.

Мужчина уже отдышался и говорил с юмором, пересыпая речь тихим смехом:

– Мы тогда чего взъерепенились? Обе квартиры не в новом доме. А теперь думаем: зато оба дома из кирпича, а не из бетонных плит. Да и внуки почти рядом, в соседнем доме живут.

Он остановил на мгновение свою речь, глядя куда-то вдаль, поверх Вариной головы, тихо, проникновенно продолжил:

– Спасибо вам. Я позже узнал, что и за этот вариант вам пришлось воевать и с собственной комиссией, и на исполкоме юристам доказывать, что так решать вопросы тоже надо. Ещё раз, – он весело засмеялся: – И много, много раз спасибо вам. Я счастлив, что такие люди, ещё не перевились на нашей грешной земле.

Варвара с трудом приходила в себя. Но последние слова мужчины особенно согрели её. Глаза налились влагой. Осенний букет издавал тонкий аромат. Сказала тихо, почти прошептала:

– Вы же мне орден Ленина своим признанием вручили. Спасибо и вам за добрые слова.

Были и ещё встречи с теми, кого она остановила на скаку. Иногда ей казалось, что в их глазах застыла крапинка смущения, и они сегодня при встрече с Варварой дают понять ей, что они совсем не такие уж плохие, а то далёкое прошлое, всего-то мимолётное недоразумение, попытка испробовать её, Варвару, на прочность.

И ещё одна веха в жизни согревала Варвару, вызывала добрую улыбку. Украина. Посёлок энергетиков Зеленодольск. Банно-прачечный комбинат. Она вступала в должность заведующей. Лариса Децик, одна из гладильщиц встретила Варю недоверчиво, выразила своё мнение открыто. Её негодующая, даже оскорбительная речь сводилась к следующему:

– Что, ещё одну на нашу шею посадили? Хапнет и ручкой нам помашет!

Все знали, что банно-прачечный комбинат для многих руководительниц стал «Золотым дном». Суме-

ла Варвара найти общий язык с подопечными. Когда слышала, что в гладильном цехе поют, подсаживалась к женщинам и пела вместе со всеми. Ей нравились мелодичные украинские песни.

Через четыре года, когда Варя уходила от них, весь банно-прачечный комбинат пришёл проститься со своей заведующей. Пришли даже кочегары. А Лариса Афанасьевна сказала Варваре:

– Трудно будет, приходите, споём.

Повернулась к своим подругам, добавила:

– Запомните! Такой Дуры у нас больше не будет!

Она вытерла платком слёзы. «Дура» из уст Ларисы для Вари стала ещё одной наградой высшего достоинства. В минуты тягостных раздумий Варя шла к своим девчатам. Они не лезли к ней с расспросами, а делали перекур в работе, садились и пели вместе с Варей:

– Была мэнэ маты бэрэзовым прутом, щобы я нэ гуляла з молодым рекрутом.

Лариса садилась рядом. Её большая мягкая рука чуть касалась Вариного плеча. Добрые улыбки женщин и песни снимали с души груз отчаяния. Как это было давно. Как много добрых людей оставила Варя на Украине. Там осталась и могилка мамы Капы.

И опять книги, стихи, встречи с одноклубниками. Её иногда приглашали, и она ездила с концертными бригадами по сёлам района. Её стихи встречали тишиной и одаривали аплодисментами. Встречалась она и со школьниками. И это тоже была её жизнь. Варя словно торопилась куда-то.